Ответственность за нарушение обязательств при использовании искусственного интеллекта

Балибардина Наталья Геннадиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры "Гуманитарные дисциплины", Себряковского филиала Волгоградский государственный технический университет, nn_nn11@mail.ru

В статье исследуются проблемы гражданско-правовой ответственности, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта (ИИ) в обязательственных отношениях. Актуальность темы обусловлена широким распространением автономных систем, действия которых могут приводить к нарушению договорных и внедоговорных обязательств. Автор анализирует правовую природу ИИ как объекта гражданских прав, рассматривает условия договорной и деликтной ответственности, включая вину, причинную связь и противоправность. Особое внимание уделено сложностям установления вины оператора или разработчика при автономном поведении алгоритмов. На основе сравнительного анализа российского законодательства, зарубежного опыта Европейского союза и Соединённых Штатов Америки, а также доктринальных позиций предлагается ввести презумпцию ответственности владельца (оператора) ИИ, механизмы обязательного страхования и ограничить ответственность разработчика при отсутствии дефектов. В работе обосновывается необходимость внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации или принятия отдельного федерального закона, регулирующего ответственность за действия систем ИИ. Выводы статьи могут быть использованы в законотворческой деятельности и в дальнейших научных исследованиях в области цифрового права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, нарушение обязательств, договорная ответственность, источник повышенной опасности, вина, автономные системы.

Введение

Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различные сферы экономики и повседневной жизни порождает новые вызовы для гражданского права. Автономные программные комплексы, способные принимать решения без непосредственного участия человека, все чаще участвуют в исполнении договорных обязательств, начиная от алгоритмической торговли на финансовых рынках и заканчивая системами автоматического управления беспилотным транспортом. При этом правовое регулирование данных отношений остается фрагментарным, а действующее законодательство не содержит специальных норм об ответственности за действия ИИ.

В российской цивилистической доктрине уже сложились определённые подходы к правовой природе ИИ (Архипов В.В., Наумов В.Б., Морхат П.М., Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. и др.), однако вопросы ответственности за нарушения обязательств, вызванные автономными системами, разработаны недостаточно. Зарубежные исследования (Resolutions of the European Parliament, AI Act proposal, работы Barfield W., Pagallo U.) предлагают различные модели, но их адаптация к российской правовой системе требует критического осмысления.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых теоретических и практических проблем ответственности за нарушение обязательств, возникающих при использовании ИИ, и формулировании предложений по совершенствованию гражданского законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать правовую природу ИИ и определить возможных субъектов ответственности; выявить трудности применения традиционных условий ответственности (вины, причинной связи) в контексте автономных алгоритмов; оценить зарубежные подходы и выработать рекомендации по имплементации эффективных механизмов распределения рисков.

Методологическая основа исследования

Методологическую базу работы составляют как общенаучные, так и специальные юридические методы познания. С помощью диалектического метода исследованы противоречия между классическими конструкциями ответственности и новыми технологическими реалиями. Формально-юридический метод применён для толкования норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а также для выявления пробелов в действующем регулировании. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российские правовые подходы с законодательными инициативами Европейского союза (Резолюция Европарламента 2017 г., проект Регламента об ИИ) и доктриной США (ответственность за качество продукции). Системный анализ использован для построения целостной модели ответственности владельца, разработчика и оператора ИИ. Эмпирической основой послужили материалы судебной практики по делам о беспилотных транспортных средствах, а также научные публикации, приведённые в списке литературы. Применение названных методов обеспечило достоверность полученных результатов и обоснованность выносимых предложений.

Результаты исследования

1. Правовая природа ИИ и определение ответственного субъекта

Определение ответственного субъекта требует прежде всего уяснения правовой природы ИИ. В российской цивилистической доктрине преобладает точка зрения, согласно которой ИИ представляет собой объект гражданских прав, а именно программу для электронно-вычислительных машин или сложный технический комплекс, не обладающий правосубъектностью [3, с. 50; 5, с. 78]. Из этого следует, что ИИ не может самостоятельно нести юридическую ответственность, а его действия рассматриваются как действия лиц, осуществляющих использование или контроль за системой. Однако высокая степень автономности современных алгоритмов, основанных

на машинном обучении, ставит под сомнение возможность механического применения классических моделей ответственности, построенных на вине и причинной связи [6, с. 35].

В обязательственных правоотношениях ИИ может выступать в двух основных качествах. В первом случае он служит инструментом исполнения обязательства, например программой для автоматической обработки заказов. Во втором случае ИИ генерирует юридически значимые действия самостоятельно, как это происходит в смарт-контрактах, которые без участия человека исполняют условия сделки. В первой ситуации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства возлагается на должника по общим нормам обязательственного права. Во второй ситуации возникает вопрос о возможности квалификации действий ИИ как волеизъявления самого обязанного лица, особенно если программа действовала автономно и ее решение не было заранее предопределено оператором.

2. Трудности применения условий договорной ответственности

Общие положения ГК РФ устанавливают, что должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства при наличии вины, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 1 статьи 401 ГК РФ). В сфере предпринимательской деятельности ответственность наступает независимо от вины, за исключением случаев непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Использование ИИ порождает специфические трудности, связанные с установлением вины, причинной связи и квалификацией обстоятельств, освобождающих от ответственности.

Понятие вины как психического отношения лица к своим действиям и их последствиям плохо применимо, когда вредоносное решение принято алгоритмом без непосредственного участия человека. Если система ИИ обучена на больших массивах данных и способна к самообучению, ее поведение может быть непредсказуемым для оператора, что размывает классическое понимание умысла или неосторожности. В научной литературе предлагается заменить категорию вины категорией риска, когда лицо, эксплуатирующее ИИ, принимает на себя риск возможных негативных последствий его работы [4, с. 30]. Такой подход согласуется с концепцией ответственности за источник повышенной опасности (статья 1079 ГК РФ), которая может применяться по аналогии закона.

Причинно-следственная связь между действиями ИИ и нарушением обязательства также не всегда очевидна из-за сложности алгоритма и множества факторов, влияющих на его решение. Например, если автоматизированная система управления запасами ошибочно отменила поставку, трудно установить, явилось ли это следствием дефекта программы, ошибки входных данных или действий самого должника. Это создает значительные трудности в доказывании и распределении бремени доказывания.

Непреодолимая сила как основание освобождения от ответственности вряд ли может охватывать сбои в работе ИИ, поскольку такие сбои обычно не являются чрезвычайными и непредотвратимыми. Напротив, производитель и оператор обязаны обеспечивать надежность системы, а ее отказ следует рассматривать как обычный предпринимательский риск. Отказ алгоритма вследствие ошибки в программном коде не может быть признан чрезвычайным обстоятельством, поскольку мог быть предотвращен при надлежащем тестировании.

3. Неопределённость субъектного состава

Ключевой вопрос состоит в том, кто должен нести ответственность за нарушение обязательства, вызванное действиями ИИ: владелец системы, ее разработчик (производитель) или лицо, непосредственно использующее ИИ (оператор). Российское право не дает четкого ответа, поэтому необходимо обратиться к общим принципам обязательственного права и аналогии закона.

Если ИИ используется стороной договора для исполнения своего обязательства, то по смыслу статьи 402 ГК РФ должник отвечает за действия третьих лиц, на которых возложено исполнение, если законом не установлено иное. ИИ не является субъектом права, поэтому его можно рассматривать как инструмент в руках должника, и ответственность должен нести сам должник. Однако если вред причинен вследствие конструктивных недостатков ИИ, должник вправе в порядке регресса обратиться к производителю на основании норм о качестве товара или договора на разработку программного обеспечения (статьи 469, 475 ГК РФ). Прямой связи между потерпевшим кредитором и разработчиком не возникает, если только разработчик не является стороной договора.

В деликтных обязательствах ситуация сложнее. Если ИИ причиняет вред третьему лицу, не состоящему в договорных отношениях с владельцем, применяются нормы главы 59 ГК РФ. Статья 1064 ГК РФ закрепляет общий принцип ответственности за вину, однако статья 1079 ГК РФ устанавливает ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Использование автономных ИИ-систем, например беспилотных автомобилей, может быть квалифицировано как такая деятельность, что влечет безвиновную ответственность владельца источника повышенной опасности [11, с. 68]. Такой подход возлагает риск эксплуатации сложной техники на ее владельца, а не на потерпевшего.

4. Процессуальные сложности доказывания

Специфика ИИ порождает значительные сложности в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела. По общему правилу, установленному статьей 56 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьей 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается. Применительно к нарушению обязательства, вызванному действиями ИИ, кредитор должен доказать факт нарушения, размер убытков и причинную связь между действиями ИИ и наступившими последствиями. Однако именно причинная связь часто оказывается наиболее труднодоказуемой из-за непрозрачности алгоритмов, известной как проблема черного ящика.

Для преодоления указанных трудностей целесообразно использовать специальные процессуальные механизмы. Владелец (оператор) ИИ должен быть обязан раскрывать информацию о работе системы, включая техническую документацию, журналы событий и при необходимости исходный код. В случае отказа от предоставления таких доказательств суд может применить неблагоприятные процессуальные последствия, предусмотренные частью 1 статьи 68 Гражданского процессуального кодекса РФ или частью 3.1 статьи 70 Арбитражного процессуального кодекса РФ, когда удержание доказательств позволяет считать признанными обстоятельства, на которые ссылается другая сторона. Законодательное закрепление презумпции вины владельца ИИ существенно упростит положение потерпевшей стороны.

Обсуждение

Возникает вопрос о справедливости распределения ответственности, если владелец не мог контролировать поведение ИИ из-за его автономности. В этом контексте полезен зарубежный опыт. Резолюция Европейского парламента 2017 года предлагала ввести специальный правовой статус для электронных лиц и создать систему обязательного страхования ответственности для роботов [8]. Хотя данная идея не получила развития в законодательстве Европейского союза, проект Регламента об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) предусматривает дифференцированный подход в зависимости от уровня риска ИИ, включая требования к прозрачности и человеческому контролю [9]. Для высокорисковых систем может устанавливаться строгая ответственность оператора с возможностью регресса к производителю при наличии дефекта.

В Соединенных Штатах Америки судебная практика по делам, связанным с автономными системами, развивается в направлении применения доктрины ответственности за качество продукции (product liability). Производитель несет ответственность за дефекты, делающие продукт небезопасным. Применительно к ИИ это означает, что разработчик может быть привлечен к ответственности, если его алгоритм содержит ошибку, приведшую к нарушению обязательства. Однако данный подход не решает проблему, когда ИИ действует правильно, но его решение оказалось неверным из-за неполноты данных или непредвиденных обстоятельств.

Сопоставляя различные модели, можно выделить три основных подхода к ответственности за вред от ИИ: субсидиарная ответственность владельца (с возможностью регресса к разработчику), безвиновная ответственность владельца как за источник повышенной опасности и солидарная ответственность владельца и разработчика в зависимости от причин сбоя. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Российское законодательство в настоящее время не выбирает ни одну из этих моделей, что порождает правовую неопределённость и увеличивает транзакционные издержки участников оборота.

С учётом высокой степени автономности современных ИИ-систем представляется обоснованным возложить основной риск на

владельца (оператора), который получает экономическую выгоду от использования технологии и находится в наилучшем положении для управления рисками (страхование, мониторинг, техническое обслуживание). Однако это не должно освобождать разработчика от ответственности в случаях, когда вред вызван конструктивным дефектом алгоритма. Поэтому в Обсуждении предлагается дифференцированный подход: владелец отвечает перед потерпевшим без вины, но имеет право регрессного требования к разработчику при доказанности недостатков программы. Такая конструкция соответствует общим принципам обязательственного права и уже апробирована в странах с развитым законодательством о робототехнике.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в гражданский оборот требует адаптации института гражданско-правовой ответственности. Действующие нормы ГК РФ, построенные на концепциях вины и причинной связи, не позволяют эффективно решать вопросы ответственности за нарушение обязательств, возникшее вследствие автономных действий ИИ. Основные трудности связаны с определением вины оператора, установлением причинной связи и распределением рисков между владельцем, разработчиком и пользователем.

На основе анализа российского законодательства и зарубежного опыта предлагается следующий комплекс мер:

Законодательно закрепить презумпцию ответственности владельца (оператора) ИИ за вред, причиненный автономными действиями системы, если он не докажет, что вред возник вследствие обстоятельств непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Это позволит защитить слабую сторону (кредитора) и стимулировать владельцев к надлежащему контролю и страхованию.

Ввести обязательное страхование ответственности для владельцев ИИ-систем, относящихся к категории высокого риска (автономный транспорт, медицинские роботы, финансовые алгоритмы). Страхование обеспечит компенсацию потерпевшим даже в случаях, когда у владельца недостаточно средств.

Установить ограниченную ответственность разработчика ИИ: производитель несет ответственность за дефекты алгоритма, но освобождается от нее, если докажет, что дефект возник вследствие неправильной эксплуатации или модификации системы пользователем. Это соответствует общим нормам о качестве товара (статья 476 ГК РФ).

Разработать специальные правила доказывания для споров, связанных с ИИ, возложив на владельца (оператора) обязанность предоставлять техническую документацию и данные о работе системы, а при отказе применять процессуальную презумпцию вины.

В качестве дополнительной меры можно рассмотреть возможность введения ограниченной правосубъектности для сложных автономных систем с созданием компенсационных фондов, как предлагалось в европейской доктрине, однако данная мера требует осторожности, поскольку может привести к уходу от ответственности реальных лиц.

Указанные предложения могут быть реализованы путем внесения изменений в главу 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и главу 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда, а также принятия специального федерального закона, регулирующего оборот ИИ. Дополнительно необходимо гармонизировать предлагаемые нормы с Федеральным законом от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ, который в настоящее время регулирует экспериментальный правовой режим для ИИ в городе Москве, но не затрагивает вопросы ответственности.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку детальных нормативных положений с учетом технологических особенностей различных классов ИИ, а также на анализ практики применения предлагаемых механизмов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2705.

3. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46–62.

4. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

5. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

6. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

7. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. 2018. C 252. P. 239–257.

8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // COM/2021/206 final.

9. Barfield W., Pagallo U. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence. Edward Elgar Publishing, 2020. 224 p.

Liability for breach of obligations in the use of artificial intelligence

Balibardina N.G.

Sebryakovsky Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Volgograd State Technical University”

The article examines the problems of civil liability arising from the use of artificial intelligence (AI) technologies in contractual relations. The relevance of the topic is due to the widespread use of autonomous systems whose actions may lead to the breach of contractual and non-contractual obligations. The author analyzes the legal nature of AI as an object of civil rights, considers the conditions of contractual and tort liability, including fault, causation and wrongfulness. Particular attention is paid to the difficulties of establishing the fault of the operator or developer in the autonomous behavior of algorithms. Based on a comparative analysis of Russian legislation, foreign experience of the European Union and the United States of America, as well as doctrinal positions, it is proposed to introduce a presumption of liability of the owner (operator) of AI, mechanisms of compulsory insurance and limit the liability of the developer in the absence of defects. The paper substantiates the need to amend the Civil Code of the Russian Federation or adopt a separate federal law regulating liability for the actions of AI systems. The conclusions of the article can be used in law-making activities and in further scientific research in the field of digital law.

Keywords: artificial intelligence, civil liability, breach of obligations, contractual liability, source of increased danger, fault, autonomous systems.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
2. Federal Law of April 24, 2020, No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation — the Federal City of Moscow" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Article 2705.
3. V.V. Arkhipov, V.B. Naumov. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in the Context of Law: On the Development of a Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAS. 2017. No. 6. pp. 46–62.
4. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a Robot Be a Subject of Law? (Search for Legal Forms for Regulating the Digital Economy) // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. pp. 24–48.
5. Morhat P.M. Artificial Intelligence: A Legal View. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.
6. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Legal Nature of New Digital Assets // Zakon. 2018. No. 9. pp. 86–95.
7. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. 2018. C 252. P. 239–257.
8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // COM/2021/206 final.
9. Barfield W., Pagallo U. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence. Edward Elgar Publishing, 2020. 224 p.